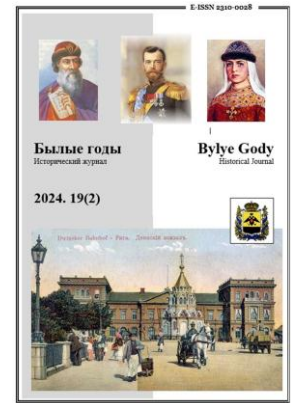

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 572-581
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.572

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Enlightened Nobleman as a Historical Type of Personality in Russia of Catherine's Time

Ludmila V. Mininkova ^{a,*}, Elisabeth E. Glasunova ^a

^a South Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The Age of Enlightenment in Russia led to the formation of an enlightened nobleman as a representative of a special cultural and historical type. The purpose of the article is to comprehensively characterize the type of personality, to identify the peculiarities of such a person's perception of the culture of the Enlightened, her attitude to the idea of freedom, which permeates the Enlightened, her own and peasant, to serfdom and to her serfs, to the ways of running her household. The article is based on the analysis of narrative and documentary sources. The formation of this type was the result of the Russian nobility in the XVIII century and the influence of the European Enlightenment. The identification of this type is based primarily on its self-identification. The consciousness of this part of the nobility was characterized by an idea of its importance and criticism of the shortcomings of the surrounding life. They perceived the liberating principles of the Enlightenment in a limited form, not opposing autocracy separating it from despotism. They did not doubt the need for serfdom; they built a rational economy on forced labor. The type of the enlightened Russian nobleman of Catherine's time represents a complex and contradictory unity of the new culture of Enlightenment and traditional noble culture.

Keywords: Europeanization of Russia, the Age of Enlightenment, Catherine II, E.R. Dashkova, D.I. Fonvizin, A.T. Bolotov, landowner instructions.

1. Введение

Культурно-антропологический поворот, который происходит в исторической науке и культуре новейшего времени, выдвигает на первый план в качестве объекта научного исследования человека среди своих современников. Само общество со своей культурой и ее особыми чертами порождает характерный для него тип человека, который проходит исторический путь к осознанию себя в качестве личности. Личность, в свою очередь, способна оказывать собственное влияние на окружающую среду и придавать ей качественные признаки в соответствии со своими индивидуальными особенностями. Долговременное состояние социума и его структур формирует определенные типы личности. Эти типы вписаны в социокультурную ситуацию, в которой пребывают современники. В то же время внутренние процессы в обществе и всякие воздействия на него со стороны, которые дают толчок для такого развития и постепенно ведут к социокультурным переменам, способствуют возникновению человека с новыми особенностями. Такой человек сочетает в своей культуре традиционные черты, которые он получил в наследство от предшествовавших поколений, и воспринимает в то же время влияние культуры, внешней для этого общества. Возникновение подобных ситуаций, когда появляются люди, ставшие носителями новых особенностей культуры, наиболее активно происходило в периоды истории, когда имел место переход от одной стадии исторического развития к другой, когда проявлялось внешнее влияние на человека другой культуры. Как отмечал А.С. Лаппо-Данилевский, такое влияние имело место в XVIII в., когда

* Corresponding author

E-mail addresses: lyudmila_mininkova@mail.ru (L.V. Mininkova)

традиционные «национальные черты» культуры в России «сильно бледнеют под натиском западно-европейской цивилизации» (Лаппо-Данилевский, 1890: 1).

Выработка в ходе исторического развития и процессов в культуре общества новых типов личности является, таким образом, одним из признаков нового исторического периода. Подобная ситуация развивалась в русской истории на протяжении всего XVIII в., когда среди дворянства было заметно несколько ярко выраженных культурно-исторических типов. Под таким типом личности, появившимся в определенные периоды развития общества и его культуры, можно понимать социокультурный феномен, сложившийся внутри большого общественного класса, со своими своеобразными чертами ментальности и рациональности, реакции на окружающий мир, с особенностями и уровнем культуры. Тип личности вполне узнается современниками и находит свое выражение в источниках, документальных и повествовательных.

2. Материалы и методы

Характер и особенности личности просвещенного дворянина находят свое проявление в нарративных и документальных источниках, которые составляют базу исследования. К нарративам относятся дворянские мемуары, дневники и письма. Как указывала С.С. Минц, этот источник имеет первостепенное значение «в плане изучения социально-психологических явлений и процессов, протекавших в общественном сознании дворянства» (Минц, 1998: 71). Все дворяне-мемуаристы при разном уровне их текстов могут относиться к просвещенному дворянству, поскольку само по себе создание подобных текстов указывает на осознание ими значимости своей личности и своего опыта, которым они стремились поделиться, что вообще характерно для человека нового времени. Также к нарративам относится журналистика, начало которой в России произошло в эпоху Просвещения. К таким просвещенным дворянам относится А.Т. Болотов, мемуары которого отличаются подробностью и отражают типичные черты помещика среднего достатка, уделявшего особое внимание своему хозяйству с использованием крепостного труда. Образы дворян из журналов Н.И. Новикова показывают, как метод сатиры способствовал выделению просвещенных дворян из общей массы русского дворянства, их самоидентификации по отношению к этой социокультурной среде. То же самое дают литературные произведения авторов, просвещенных дворян. Такое же выделение вплоть до резкого противопоставления просвещенных дворян большинству дворянства, не испытывавшему влияния культуры Просвещения, содержится в комедиях Д.И. Фонвизина. Обобщенное отражение отношения просвещенного дворянства Российской империи к важнейшим проблемам внутренней жизни общества и государства содержится в Наказе Екатерины II Уложенной комиссии. Данный документ в качестве источника стоит на стыке публицистики с декларативными положениями и нормотворческими документами. Дворянская публицистика и мемуаристика дает представление об отношении их авторов к идеям Просвещения и к таким острым социально-политическим вопросам своего времени, как Пугачевское восстание и Великая Французская буржуазная революция.

К документальным источникам относятся инструкции по управлению поместьями и другие документы по хозяйству и по отношению с крестьянами, на которых лежит ясно видимый отпечаток личности автора, просвещенного дворянина, с его рациональным подходом к ведению своего вотчинного хозяйства с использованием крепостного труда.

Опора на методологический принцип историзма дает возможность понять историческое место определенных типов личности в социокультурной ситуации своего времени. Использование историко-типологического метода, на базе которого возможно выявление, как отмечал И.Д. Ковальченко, «единого, которое было присуще многообразию тех или иных сочетаний индивидуального (единичного)» (Ковальченко, 1987: 176), позволяет представить общественную значимость определенного культурно-исторического типа для культуры своего времени, распространенность и общность явления при наличии индивидуальных особенностей отдельных личностей. В результате применительно к условиям России эпохи Просвещения возможно уяснение признаков, характерных для культурно-исторических типов российского дворянства, в том числе такого, как просвещенный дворянин.

Методология исследования определяется культурно-антропологическим поворотом новейшего времени, под влиянием которого находится современное гуманитарное научное знание, когда в центре внимания находится личность с особенностями ее культуры. Отсюда опора на методологический принцип признания чужой одушевленности. Данный принцип предполагает понимание человека и общества другой культуры. Поскольку такое понимание возможно на базе анализа нарративных и документальных текстов, то используется метод смыслового анализа источников, позволяющий выявить как прямые, так и скрытые смыслы в текстах.

Целью статьи является комплексная характеристика просвещенного дворянина екатерининского времени как особого культурно-исторического типа личности с характерными ее чертами. Она предполагает выявление особенностей восприятия им культуры Просвещения, связанных с этой культурой идей, под знаком которых состоялась Великая Французская буржуазная революция. Это предполагает анализ того, как эта культура совмещалась с отношением такого

человека к идее свободы, которой пронизано Просвещение, своей и крестьянской, к крепостному праву вообще и к своим крепостным, в частности, а также к способам ведения своего хозяйства.

3. Обсуждение

Просвещенный дворянин екатерининского времени был фигурой столь яркой, что вызывал и вызывает большой интерес в историографии. Как отмечал В.О. Ключевский, дворянство находилось в это время под большим влиянием французской литературы. В таком влиянии он выделял два последствия. Одним из них была «утрата привычки, утрата охоты к размышлению», другим – «потеря понимания окружающей действительности» (Ключевский, 1958: 176). К влиянию на дворянство этой литературы при Екатерине II В.О. Ключевский относился с заметной иронией. Относилось это и к тому, что если при Петре I дворянин – «артиллерист и навигатор», при Елизавете – «петиметр», а к концу времени Екатерины II «сделался вольнодумцем, масоном либо вольтерьянцем», и «стал в положение межеумка, исторической ненужности» (Ключевский, 1958: 183).

П.Н. Милоков разделял просвещенных дворян на «обыкновенных читателей» и на представителей «передовой интеллигенции», которые в глазах большинства дворян были «вольтерьянцами и фармазонами». Но в самих этих названиях отразилось представление дворянской массы о «двух важнейших течениях среди тогдашней высшей интеллигенции» (Милоков, 2010: 396). Само по себе вольтерьянство – «это был теперь боевой клич, означавший борьбу и торжество свободной мысли против государственной церкви, против догмы, защищаемой силами инквизиции и иезуитизма» (Милоков, 2010: 397). П.Н. Милоков подчеркивал вместе с тем влияние на умственную жизнь этой части дворянства самой императрицы, когда «Екатерина, увлекающаяся критическими идеями, Екатерина охлажденная, Екатерина, враждебная им – все эти метаморфозы собственного настроения императрицы тесно сплетались с первыми шагами сознательной общественной жизни России» (Милоков, 2010: 297). Само же вольтерьянство императрица понимала «в смысле победы "здорового смысла" над "суеверием", – в смысле легкой чистки человеческих мозгов, а не упорной борьбы за реформу человеческих учреждений и верований» (Милоков, 2010: 397).

Согласно С.Ф. Платонову, при Екатерине II «широкой струей ... вливались в русскую общественную жизнь идеи, выработанные на Западе, ... оживилась и быстро шла вперед общественная жизнь» (Платонов, 1993: 634), с которой тесно связано было просвещенное дворянство. Мысль о позитивном моральном влиянии «духовной культуры Запада» на российское дворянство высказывал М.К. Любавский (Любавский, 2002: 532). В условиях крепостного права дворяне привыкли «жить праздно, без всякого серьезного дела» (Любавский, 2002: 525), мучить людей нелепыми выдумками, иногда и прямым тиранством. Такое влияние западной культуры, по оценке М.К. Любавского, «предохранило дворян от окончательной гибели и положило конец самому рабовладению» (ссылка). В том, что Екатерина II «открыла широкую дверь этому западному влиянию в спертую атмосферу русской жизни», он видел заслугу императрицы (Любавский, 2002: 532). Более сдержанное отношение к влиянию передовых западных идей на российское дворянство высказывал Г.В. Плеханов. По его словам, «образованные представители» дворянства «очень охотно читали Вольтера и других модных французских просветителей». Но при этом, «как сословие, оно не могло увлечься тем, что составляло живую душу освободительной философии: стремлением уничтожить все сословные привилегии и тем поставить трудящуюся массу в новые, более свободные условия существования» (Плеханов, 1925: 26). Г.В. Плеханов несколько не преувеличивал влияние Просвещения на просвещенных русских дворян, на саму Екатерину II. Он писал, что в 1762 г. она велела пытать «под батожем» Гурьева и Хрущевых, обвиненных в заговоре против нее. «Монтескье. Беккариа и Дидро», – отмечал Г.В. Плеханов, – «совсем не одобрили бы батожья». Но в данном случае «просвещенной государыне было не до них» (Плеханов, 1925: 33). «Противоречие между теорией и практикой» (Плеханов, 1925: 35) усматривал Г.В. Плеханов в отношении императрицы к идеям Просвещения. Но то же самое он видел в отношении к этим идеям русского просвещенного дворянства в целом. Не преувеличивая позитивного влияния идей Просвещения на российское дворянство, Г.В. Плеханов допускал, что «освободительная французская философия способствовала у нас очищению самодержавия от "примесов тиранства"», и поэтому «ее влияние должно быть признано плодотворным, как бы ни малы были его размеры» (Плеханов, 1925: 43). Но, писал он, «освободительная работа мысли» Просвещения в России не могла получить развития, поскольку «у нас ее ограничивал дворянский горизонт» (Плеханов, 1925: 41). По оценке В.А. Мякотина, даже для такого просвещенного дворянина, как князь М.М. Щербатов, было характерно неглубокое усвоение и понимание идей Просвещения. Как указывал он, отдельные дворяне, выделявшиеся просвещенностью, имели «широкие взгляды на современное им общество и государство». Но в количественном отношении их было немного, а их воззрения «не отличались особенною глубиной мысли» (Мякотин, 1906: 103).

Советский историк М.Т. Белявский отмечал привлекательность Просвещения для русского дворянства и указывал, что связи с французскими просветителями имела не только Екатерина II, но и «ее приближенные, многие представители дворянской интеллигенции, владельцы тысяч "душ"». Они называли себя «усердными почитателями» и «верными последователями» просветителей. Но, по его

словам, «в умах большинства помещиков идеи Просвещения приобретали черты, более соответствующие их крепостнической идеологии» (История СССР, 1968: 558, 559).

Ю.М. Лотман подчеркивал влияние Просвещения в истории «русской женской культуры», в результате чего «женщина становится читательницей» (Лотман, 1994: 53). Он указывал, что в результате появился новый женский тип. Это уже не только «дикие помещицы», не только «старосветские помещицы, уютные, добрые», но и новый тип или дворянские женщины, «живущие духом» (Лотман, 1994: 57), в соответствии с новыми чертами культуры своего времени.

На противоречие «между либеральными идеями Екатерины и ее консервативной практикой, между личными взглядами на тот или иной вопрос и отношением к нему дворянства, «интересы которого она не могла игнорировать», обращал внимание Н.И. Павленко (Павленко, 2003: 111). Он справедливо указывал: «в годы правления просвещенной монархии крепостное право развивалось вглубь. Но оно развивалось и вширь» (Павленко, 2003: 298). Объяснял он такое противоречие тем, что императрицу сдерживал «страх за судьбу своей короны». Ее пугал возможный «бунт дворян», который был для нее «опаснее бунта крестьян» (Павленко, 2003: 301, 302). К характерным просветительским чертам, усвоенным Екатериной II, А.Б. Каменский относил «рационализм, практицизм как производные ... представления о значении Разума в системе идеологии Просвещения» (Каменский, 2001: 340). Следовательно, действия самой императрицы как просвещенной личности, ее современников из числа русских просвещенных дворян также в полной мере соответствовали философским идеям и образу мышления второй половины XVIII в. Для них такой рационализм и практицизм, в частности, проявлялся в организации своего хозяйства. Цель ведения помещичьего хозяйства определяла, как совершенно справедливо указала Е.С. Корчмина, «именно потребность в деньгах» (Общественная мысль..., 2020: 340). Можно сказать, что А.Б. Каменский не видел противоречия между идеями Просвещения и мерами просвещенного русского дворянства по рационализации своего крепостнического хозяйства.

Английская исследовательница И. де Мадариага справедливо указывала на особые заслуги Екатерины II в распространении начал Просвещения в России, укреплявшей «связи своей страны с интеллектуальной Европой» (Мадариага, 2002: 534). Исследователь из США Д. Гриффитс обращал внимание на мнение, распространенное в екатерининское время о связи между просвещением и свободой. Он указывал, что статья 260 Наказа императрицы «предостерегает от освобождения большого числа непросвещенных подданных» (Гриффитс, 2013: 70), выделяя тем самым социальную сторону в распространении просвещения как своего рода привилегию и результат развития культуры высшего класса русского общества.

4. Результаты

Что касается культурно-исторических типов среди российского дворянства XVIII в., то об узнаваемости их современниками свидетельствует отражение принадлежавших к ним людей в образах из комедий А.П. Сумарокова и Д.И. Фонвизина, сатиры Н.И. Новикова. Этот источник дает возможность видеть тип дворянина непросвещенного, обычно жившего в своей деревне, абсолютно чуждого распространявшейся в дворянской среде культуре Века Просвещения, уверенного в своих правах, в том числе, в праве на произвол и тиранство по отношению к своим крепостным. Это фонвизинские Простаковы и Скотинины, а также галерея героев из новиковских журналов. Для этих дворян был характерен свой языковой маркер, которым был русский язык, поскольку другие языки были им неведомы. Другим, более сложным типом, являлся служилый дворянин из времени Петра I и из более позднего времени, типичным образцом которого был гардемарин, оренбургский губернатор и мемуарист И.И. Неплюев, а из литературных героев – фонвизинский Стародум. Характерная черта этих людей – честная служба, военная и гражданская, и в то же время желание и способность к образованию и восприятию культуры своего времени. Для них же характерно более внимательное отношение к народу, умение видеть в крестьянах людей, отвращение к помещичьему тиранству. В образе Стародума, созданном Д.И. Фонвизиним, такое качество проявилось вполне. В то же время сам выдающийся комедиограф давал понять, что такой тип дворянина, как Стародум, был характерен для прошлого времени, а для царствования Екатерины II это был уже исторический реликт. Наконец, в силу того, что они были на уровне культуры своего века, их также можно считать просвещенными дворянами. Но это было просвещение того времени, когда оно приходило в русскую жизнь вместе с петровскими реформами, когда усваивались прежде всего знания и навыки практического характера. Языковым маркером для этих дворян были уже языки, которые распространялись в период петровских реформ и были связаны с военной, морской и инженерной службой. Это, прежде всего, голландский и немецкий языки. Но и русский язык также в полной мере был для них характерен.

Век Просвещения, перед которым Россия стала в царствование Елизаветы Петровны и который окончательно вошел в отечественную культуру при Екатерине II, привел к распространению совершенно новых идей, прежде всего из Франции как страны, на дворянскую культуру которой равнялись все европейские дворы. Поэтому в это время для просвещенных русских дворян в качестве языкового маркера становился французский язык, при этом русский язык в их среде не потерялся.

Сохранялись также традиционные для дворянства генеалогические представления о значимости и знатности своего рода. В свою очередь, просвещенные дворяне екатерининского времени также различались между собой. Для некоторой их части усвоение культуры французского Просвещения было поверхностным и примитивным и не выходило за рамки развлечений и легкой литературы. При Елизавете Петровне таких молодых дворян называли петиметрами, а дворянских девушек – кокетками. Яркий образ одного из таких молодых дворян вывел А.П. Сумароков в комедии «Чудовищи» (Ключевский, 1958: 169). Образ подобного дворянина, но уже екатерининского времени, совершенно пустого молодого человека, был создан Д.И. Фонвизиным в комедии «Бригадир» в виде бригадирского сына Иванушки. Но часть просвещенного дворянства усваивала культуру Просвещения несравненно глубже, и она сказывалась на восприятии ими положения в стране и на их относительном свободомыслии. Некоторой частью дворянства просветительские идеи усваивались неглубоко. По мнению А.С. Пушкина, к таким дворянам относился А.Н. Радищев как «истинный представитель полупросвещения» (Пушкин: 1976, 194). Замечание по отношению к А.Н. Радищеву не представляется справедливым. Но само по себе понятие полупросвещения вполне приемлемо для характеристики личности.

Екатерина II, провозгласившая себя в период Пугачевского восстания казанской помещицей, идентифицировала себя в качестве представительницы русского дворянства. Она выразила в своем Наказе Уложенной комиссии основные идеи просвещенной его части. К ним относилась мысль о России как о европейской державе, о законах и о том, чтобы «наблюдаема была воля Государева сходственно с законами» (Екатерина II, 2010: 117), чтобы не было произвола, и «чтоб законы поелику возможно, предохраняли безопасность каждого особо гражданина». Законы ничего не должны запрещать, кроме того, «что может быть вредно или каждому особенно, или всему обществу» (Екатерина II, 2010: 118), и «произвольное в наложении наказание исчезает» (Екатерина II, 2010: 121). Предлагалась отмена наказаний, которыми «тело человеческое изуродовать можно» (Екатерина II, 2010: 125). Не могла быть угроза «чести» и «жизни» без того, чтобы «учинено будет долгое и строгое изыскание истины» (Екатерина II, 2010: 127). Эти положения были прямо обращены к живой (коммуникативной) памяти дворянства, в которой не были забыты расправы времени Петра Великого и бироновщины. Полностью соответствовала идеям Просвещения мысль в Наказе, что лучший способ усовершенствования человека есть «приведение в совершенство воспитания» (Екатерина II, 2010: 147). Заметно, насколько сложно далась императрице глава 11 Наказа, где речь шла о рабстве. От депутатов она требовала, «чтоб законы гражданские, с одной стороны, злоупотребление рабства отворачали, а с другой стороны, предостерегали бы опасности, могущие оттуда произойти» (Екатерина II, 2010: 148). Зная реальное положение в стране, она также требовала, «чтобы предупреждены были те причины, кои часто привели в непослушание рабов против господ своих» (Екатерина II, 2010: 149). И, наконец, глава 15 была прямо обращена к дворянству. В Наказе указывалось на отличия дворянства от другого населения империи, прежде всего тем, что они имели «нарицание чести», а «Добродетель с заслугами» возводит человека в дворянство. С учетом того, что среди дворян были и военные, и чиновники, императрица указывала, что «приобретать» дворянство «можно и гражданскими добродетелями так, как и военными» (Екатерина II, 2010: 162). Такое представление о дворянстве соответствовало тем, кто приобрел его путем выслуги по Табели о рангах, но критически воспринималась теми, кто относился к знатным родам, вроде князя М.М. Щербатова. В главе указывалось на то, что было противно дворянскому званию. Это были «измена, разбой, воровство», «нарушение клятвы, лжесвидетельство» (Екатерина II, 2010: 162). О лишении дворянства за такие преступления не говорилось. Но в дворянской среде такое осуждалось. Не случайны в этой связи были слова фонвизинского Стародума: «Дворянин, недостойный быть дворянином! Подлее его ничего на свете не знаю!» (Фонвизин, 1959: 153). С учетом этого в Жалованной грамоте дворянству за такие преступления уже предусматривалось лишение прав дворянства (Российское законодательство..., 1987: 153). Однако издание этой грамоты в 1785 г. отражало запрос дворянства на дальнейшее расширение своих вольностей, которые были получены еще по манифесту Петра III 1762 г., сама грамота отражала осознание просвещенным дворянством своих сословных свобод в качестве ценности.

Как абсолютный монарх в качестве неперемennого условия принятия и сохранения законов Екатерина II указывала самодержавие, поскольку в Российской империи иная власть «не может действовать сходно с пространством столь великого Государства» (Екатерина II, 2010: 116). Такой властью была, по словам О.А. Омельченко, «конструируемая Екатериной II "правовая монархия"» (Омельченко, 1993: 362). Данная форма правления признавалась просвещенными дворянами. Князь М.М. Щербатов видел преимущества этого правления, поскольку все другие он считал хуже, особенно «самовластие», которое он оценивал как «ужасное мучительство». Недостатки имели, по его мнению, и другие формы правления. Так, «аристократия весьма утесняет подлый народ», а «демократия производит беспорядки и смущения» (Щербатов, 2010: 29). Все политические системы, писал он, формировали качества людей. Так, «в монархии люди честолюбивы, во аристократии горды и тверды, в демократии смутнолюбивы и уверчивы, в самовластном же правлении подлы и низки» (Щербатов, 2010: 35). Заметно, что с самовластием князь связывал худшие качества людей и видел в нем худшую форму правления. А.П. Сумароков в стихотворении «Единовластие» с пафосом писал в

защиту самодержавной монархии: «Единовластие похвально, А многовластие нахально» (Сумароков, 1957: 245), подчеркивая тем самым преимущества самодержавия перед олигархией знати. Ослабление власти вызывало у просвещенных дворян страх перед потрясениями, которые им пришлось пережить в России и наглядно видеть во Франции. Князь М.М. Щербатов, оправившись от испуга, вызванного Пугачевским восстанием, готов был самыми суровыми мерами приводить в повиновение крестьян. Он писал, что, даже «если бы они и право имели к вольности и собственности, на немалое время их оно лишить, и если бы они не были рабами, предать их в рабство, дондеже (так! – авт.) искоренятся злые семена из сердца их» (Щербатов, 2010: 146). Свидетель революции во Франции Н.М. Карамзин писал о положении дворянства в начале событий: «Ужасы Революции выгнали из Парижа самых богатейших жителей; знатнейшее дворянство удалилось в чужие земли; а те, которые здесь остались, живут по большей части в тесном круге своих друзей и родственников» (Карамзин, 1984: 224). Поведение дворянства он расценивал критически. «Французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона» (Карамзин, 1984: 226), – писал он. Монархию, а также способность дворянства защищать ее, он считал гарантией от общественных потрясений.

Просвещенное дворянство критически относилось к недостаткам правления и власти. Наиболее ярко критика выражалась в журналах Н.И. Новикова. В притче о слоне, получившем чин, из журнала «Трутень» 1769 г., высмеивалась практика, когда «чин» давался «не по уму», и раболепие получившего чин чиновника перед начальством (Сатирические журналы..., 1951: 48). Бывали помещики «ябедники, обидчики и грабители», они выведены в «Трутне» в образах дворян Вертяевых (Сатирические журналы..., 1951: 65). Просвещенный дворянин отстаивал свое право на критику власти. Такая защита содержалась в ответе «Трутня» журналу «Всякая всячина», издававшемуся императрицей, где говорилось, что «Всякая всячина» «уничтожает» предыдущий номер «Трутня». В ответе подчеркивалось, что вообще, «уничтожить» «есть слово, самовластия свойственное» (Сатирические журналы..., 1951: 69). Но обвинение в самовластии было очень серьезным и по существу задевало саму Екатерину II. Как отмечает В.С. Парсамов, Н.И. Новиков допускал, что понятия «чернь, подлый народ» – это всякие «подломыслящие и порочные люди», независимо от того, «знатны ли они или нищие» (Общественная мысль..., 2020: 442). От подобных дворян, выведенных им в его журнальных сатирических образах Недоума, Злорада, Змеяна и других, он отделял дворян просвещенных, к которым он сам и относился.

Тип просвещенного дворянина включал в себя также женские образы. Вслед за просвещенной императрицей выделялась в этом отношении ее подруга, княгиня Е.Р. Дашкова. Ее просвещенность оценила Екатерина II, поставившая княгиню в 1783 г. во главе академии наук (Елисеева: 2015: 391). По оценке О. Елисеевой, уже в первый год ее руководства «академия встряхнулась ото сна», и это был «блестящий результат» деятельности просвещенного директора (Дашкова, 2015: 408). В том числе благодаря деятельности Дашковой, которая была «по-настоящему культурным и образованным человеком, обладала широкими литературными и научными интересами, имела множество друзей в пестром и многонациональном интеллектуальном мире Европы», И. де Мадариага делала вывод о зарождении в России интеллигенции (Мадариага, 2002: 847, 851, 852).

Рациональное отношение к государственной власти, способной обеспечить защиту дворянства от самовластного произвола и защиту от общественных потрясений вроде крестьянского бунта или революции, рациональное отношение самих просвещенных дворян к защите монархии как своей опоры сочеталось у них с рациональным подходом к своим хозяйственным делам. Эту мысль ясно выразил помещик А.Т. Болотов. Свое пребывание в городе Богородске под Тулой он организовал так, чтобы, как он писал, «расходы мои были умеренные». Для этого он «умножил ... при себе людей, перевезя их из своей деревни, нанял тут себе несколько казенной земли и заставил их пахать и засеивать хлебом, дабы мне одного для содержания всего дома моего и заведенного тут же маленького скотоводства и птицеводства, без привоза из деревень моих было достаточно, и я не имел бы нужды ничего из грубой провизии для себя покупать» (Жизнь и приключения..., 2013: 1058). Для понимания особенностей сознания просвещенного помещика отрывок очень характерный. А.Т. Болотов поступал очень рационально и учил «своих потомков», которым были адресованы его записки, такой рациональности. Рациональность его находилась в пределах крепостнической системы, с которой этот помещик сросся всем своим существом. Он нисколько не сомневается в своем праве заставлять людей переселяться и работать на него. Рациональная организация помещичьего хозяйства для этого автора была основана на полном бесправии крепостных.

Стремление к рациональному ведению дел по хозяйству наиболее наглядно проявилось в помещичьих инструкциях управляющим вотчин и поместий. Такое ведение означало, прежде всего, налаживание учета и контроля за людьми, хозяйственными работами, приходом и расходом денег. Помимо рационального подхода, в инструкциях проявилась еще одна черта просветительского мышления. Она состояла в том, что всякое улучшение положения в государстве возможно благодаря изданию хороших законов. Поскольку любое дворянское имение содержало отдельные признаки государства, то такой подход мог быть применен к распоряжениям владельца по отношению к людям и хозяйству. Такие инструкции были по некоторым положениям и стилю весьма близки к вопросам, которые посылались для проведения анкетных обследований, и стали составляться со второй

половины XVIII в. Согласно В.А. Александрову, помещичьи инструкции относятся к источникам первостепенной важности для исследования сельской общины и положения крестьян (Александров, 1976: 45). Но эти источники имеют ничуть не меньшее значение и для характеристики самих помещиков и вотчинников. Так, в инструкции приказчикам графа П. Шереметева 1764 г. один из пунктов назывался «О переписке подворно крестьян мужска и женска полу». Требовалось собрать сведения, «что на ком тягла и на то тягло дано пашни и посевов», сколько у них «доходов в год» и разные другие сведения о крестьянах (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 2. Д. 1304. Л. 106.). Столь же подробно требовалось вести работу по «переписке мельниц» и «при описании вотчинных меж» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 2. Д. 1304. Л. 2). Рациональность помещика проявилась в пункте о наказаниях крестьян. Хорошо зная нравы своей вотчинной администрации, граф особо предупреждал, чтобы таких крестьян даже «за большие вины для взятков не снаравливать, делать правильно и под караулом долгое время крестьян не держать, и из своих рук крестьян ничем не бить», причем их «за малые вины большим наказанием не отягчать» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 2. Л. 906.). Вообще рациональный подход помещиков в отношениях с крестьянами проявлялся во многом. Это и забота о состоянии крестьянского хозяйства, и учет трудоспособности крестьян в зависимости от возраста. Наиболее наглядно проявлялось это в наставлении приказчику села Веретинского от князя Голицына. В нем, в частности, было обращено внимание на необходимость иметь «реэстр всем действительным и могущим работникам», причем их «считать от 17 лет до 54-х, а могущих от 54 до 60, исключая увечных и одержимых болезненными припадками» (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 1418. Л. 206.).

Стремясь не раздражать крестьян в мелочах, помещики пытались выявить все источники крестьянских доходов для наложения «господского оброку». Граф Н. Римский-Корсаков в наставлении управляющему А. Зауру в 1798 г. распорядился выявить по деревне, «что в какой семье каким промыслом промышляют», для «господского оброку» и «господских денег». В наставлении также говорилось, что крестьяне его села Федоровского зимой «возют некоторые товары» на Волгу, а весной их грузят «на барки, которые идут в Петербург», и могут получать «лешко деньги для заплаты казенных податей и господского оброка». Однако они свои деньги «пропивают, нежели о себе думают» (РГАДА. Ф. 1272. Оп. 2. Д. 28. Л. 3306.), выражая, таким образом, популярную среди дворянства мысль о широком распространении пьянства среди крестьян. Он, таким образом, стремился к рационализации не только своего вотчинного хозяйства, но и хозяйства крестьянского. В пьянстве крестьян он видел урон не только для них самих, но и для своих интересов. Когда они выезжают в город Рузу в праздничные дни для обедни или по субботам за покупками, они иногда «так напьются, что жены их правят лошадыми, от чего и выходит недоимка в оброчной сумме». Поэтому от управляющего он требовал: «оное злоупотребление моих крестьян истребите», и ему следовало «наставить их, чтоб оне деньги берегли на черной день» (РГАДА. Ф. 1272. Оп. 2. Д. 28. Л. 34).

Образец рационального подхода к ведению хозяйства содержат документы, исходившие от князя М.М. Щербатова. Обращает на себя доскональное знание этим знатным ярославским вотчинником самых разных хозяйственных мелочей, от строительства до животноводства. В наставлении «прикащику» Осипу Звереву 1764 г. с исключительной подробностью описан план строительства «поварни с приспешенною избою» в селе Михайловском (РГАДА. Ф. 1289. Оп. 2. Д. 373. Л.1-2). Такое же конкретное и четкое наставление давалось им по зимнему кормлению лошадей, когда «за нынешним неурожаем сена весьма должно корму беречь» (РГАДА. Ф. 1289. Оп. 2. Д. 373. Л. 206.). Как и положено в вотчине, князь содержал нечто вроде вотчинной тюрьмы. В наставлении говорилось о содержании в ней его «человека» Спиридона Скудина, «скована, и давать 2 ко[пейки] на пропитание по два четверика мечьины на месяц», но если он предастся «неистованию», то «прикащик должен для усмирения и другую цепь на него накладывать» (РГАДА. Ф. 1289. Оп. 2. Д. 373. Л. 206.).

5. Заключение

Таким образом, нарративные и документальные источники позволяют выявить в качестве особого культурно-исторического типа России екатерининского времени просвещенного дворянина. Формирование этого типа составляло общий результат европеизации культуры русского дворянства на протяжении XVIII в. под влиянием европейского Просвещения, которое шло, прежде всего, из Франции. К дворянству отнесла себя Екатерина II, причем к дворянству этого типа, ввиду своей просвещенности и благодаря связям с французскими просветителями. Выделение такого типа основывается, прежде всего, на его самоидентификации, поскольку относившиеся к нему русские дворяне выделяли себя из своего класса и относились, как это очень заметно, свысока к дворянству непросвещенному ввиду его низкого культурного, интеллектуального и зачастую морально-нравственного уровня. Для сознания этой части дворянства было характерно представление о своей значимости в государстве и критическое отношение к недостаткам в общественном строе и в порядках управления, к вельможам и чиновникам, которых они считали недостойными. Просвещенное дворянство исключительно высоко ценило свои вольности и привилегии, считая, что они получены от монархии за исторические заслуги дворянства в целом. Но при этом освободительные начала идей Просвещения эти дворяне воспринимали в очень ограниченном виде. Они не выступали против самодержавной монархии, тщательно отделяя такой политический строй от тирании и

деспотизма. Ни в малейшей степени они не сомневались в необходимости крепостного права и даже рабского положения крестьян, причем рациональное, в духе своего времени, хозяйственное устройство в поместьях и вотчинах они строили на основе использования принудительного труда. Резко критическое отношение выражали просвещенные русские дворяне к революции во Франции и считали, что для народа, поднявшего восстание под предводительством Е. Пугачева, необходимо принимать самые жесткие меры. Тип просвещенного русского дворянина екатерининского времени представляет собой сложное и внутренне противоречивое единство новой культуры Просвещения и традиционной дворянской культуры, связанной с порядками самодержавия и крепостничества.

Литература

- Александров, 1976** – Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976.
- Гриффитс, 2013** – Гриффитс Д. Екатерина II: императрица-республиканка / Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М., 2013. С.63-101.
- Екатерина II, 2010** – Екатерина II. Наказ Комиссии о сочинении нового Уложения / Избранное. М., 2010. С.115-189.
- Елисеева, 2015** – Елисеева О.И. Екатерина Дашкова. М., 2015.
- Жизнь и приключения..., 2013** – Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. В 3 т. М., 2013. Т. 2.
- История СССР, 1968** – История СССР. В 12 т. М., 1967. Т.3.
- Каменский, 2001** – Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001.
- Карамзин, 1984** – Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984.
- Ключевский, 1958** – Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 5 / Соч. в 8 т. Т.5. М., 1958.
- Ковальченко, 1987** – Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
- Лаппо-Данилевский, 1890** – Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи Преобразований. СПб., 1890.
- Лотман, 1994** – Лотман Ю.В. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
- Любавский, 2002** – Любавский М.К. Русская история XVII-XVIII веков. СПб., 2002.
- Мадариага, 2002** – Мадариага де И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
- Милоков, 2010** – Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 2 т. М., 2010. Т. 2.
- Минц, 1998** – Минц С.С. Мемуары и российское дворянство. Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб., 1988.
- Мякотин, 1906** – Мякотин В.А. Дворянский публицист Екатерининской эпохи. (Князь М.М.Щербатов) / Из истории русского общества. Второе издание. СПб., 1906. С.102-166.
- Общественная мысль..., 2020** – Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века. В 4 т. М., 2020. Т. 2.
- Омельченко, 1993** – Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.
- Павленко, 2003** – Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 2003.
- Платонов, 1993** – Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993.
- Плеханов, 1925** – Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Кн.3 / Соч. М.; Л., 1925. Т. 22.
- Пушкин, 1976** – Пушкин А.С. Александр Радищев / Собр. соч. в 10 т. М., 1976. Т.6. С. 188-198.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Российское законодательство..., 1987** – Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. М., 1987. Т. 5.
- Сатирические журналы..., 1951** – Сатирические журналы Н.И. Новикова. М.; Л., 1951.
- Сумароков, 1957** – Сумароков А.П. Избранные произведения. Л., 1957.
- Фонвизин, 1959** – Фонвизин Д.И. Недоросль / Собр. соч. в 2 т. М.; Л., 1959. Т.1. С. 105-177.
- Щербатов, 2010** – Щербатов М.М. Избранные труды. М., 2010.

References

- Alexandrov, 1976** – Alexandrov, V.A. (1976). Selskaia obshchina v Rossii (XVII - nachalo XIX v.) [Rural community in Russia (XVII - early XIX centuries)]. M. [in Russian]
- Ekaterina II, 2010** – Ekaterina II (2010). Nakaz komissii o sochinenii novogo ulozhenia [The Commission's order on the composition of a new Code]. Ekaterina II. Izbrannoe. M., pp. 115-189. [in Russian]
- Eliseeva, 2015** – Eliseeva, O.I. (2015). Ekaterina Dashkova [Ekaterina Dashkova]. M. [in Russian]
- Fonvizin, 1959** – Fonvizin, D.I. (1959). Nedorosl [Ignoramus]. Sobr. soch. v 2 t. M.; L. T.1. Pp. 105-177. [in Russian]
- Griffits, 2013** – Griffits, D. (2013). Ekaterina II, imperatrica-respublikanka [Catherine II, the Republican Empress]. Ekaterina II i ee mir: statii raznykh let. Pp. 63-101. M. [in Russian]

- Istoria SSSR, 1968** – Istoria SSSR [The history of the USSR]. 1968. V 12 t. M. T. 3. [in Russian]
- Kamensky, 2001** – *Kamensky, A.B.* (2001). Ot Petra I do Pavla I. Reformy v Rossii XVIII veka (opyt celostnogo analiza) [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia of the XVIII century (the experience of a holistic analysis)]. M. [in Russian]
- Karamzin, 1974** – *Karamzin, N.M.* (1974). Pisma russkogo puteshestvennika [Letters of a Russian traveler]. M. [in Russian]
- Kluchevsky, 1958** – *Kluchevsky, V.O.* (1958). Kurs russkoi istorii [Russian History Course]. Ch. 5. Sochinenia v 8 t. T. 5. M. [in Russian]
- Kovalchenko, 1987** – *Kovalchenko, I.D.* (1987). Metody istoricheskogo issledovaniia [Methods of historical research]. M. [in Russian]
- Lappo-Danilevsky, 1890** – *Lappo-Danilevsky, A.S.* (1890). Organizatsiia priamogo oblozheniia v Moskovskom gosudarstve so vremeni Smuty do epohi Preobrazovaniia [The organization of direct taxation in the Moscow state from the time of the Troubles to the era of Transformation]. SPb. [in Russian]
- Lotman, 1994** – *Lotman, U.M.* (1994). Besedy o russkoi kulture. Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII - nachalo XIX v.) [Conversations about russian culture. The life and traditions of the Russian nobility (XVIII - early XIX centuries)]. SPb. [in Russian]
- Lubavsky, 2002** – *Lubavsky, M.K.* (2002). Russkaia istoria XVII-XVIII vekov [Russian History of the XVII-XVIII centuries]. SPb. [in Russian]
- Madariaga, 2002** – *Madariaga de I.* (2002). Rossia v epohu Ekateriny Velikoi [Russia in the Era of Catherine the Great]. M. [in Russian]
- Miakotin, 1906** – *Miakotin, V.A.* (1906). Dvorianskii publicist Ekaterininskoi epohi (Knaz M.M.Shcherbatov) [(A noble publicist of the Catherine era (Prince M.M.Shcherbatov)]. Iz istorii russkogo obshchestva [From the history of Russian society]. SPb. Pp.102-166 [in Russian]
- Milukov, 2010** – *Milukov, P.N.* (2010). Ocherki po istorii russkoi kultury [Essays on the history of Russian culture]. V 2 t. M. T.2 [in Russian]
- Minc, 1998** – *Minc, S.S.* (1998). Memuary i rossiiskoe dvorianstvo. Istochnikovedcheskii aspekt istoriko-psihologicheskogo issledovaniia [Memoirs and the Russian nobility. The source-based aspect of historical and psychological research]. SPb. [in Russian]
- Obshchestvennaia mysl..., 2020** – Obshchestvennaia mysl Rossii s drevneishih vremen do serediny XX veka [Public thought in Russia from ancient times to the middle of the XX century]. 2020. V 4 t. M. T. 2. [in Russian]
- Omelchenko, 1993** – *Omelchenko, O.A.* (1993). «Zakonnaia monarhia» Ekateriny II. Prosveshchennyi absolutizm v Rossii [Catherine II «Legitimate Monarchy». Enlightened absolutism in Russia]. M. [in Russian]
- Pavlenko, 2003** – *Pavlenko, N.I.* (2003). Ekaterina Velikaia (Catherine the Great). M. [in Russian]
- Platomov, 1993** – *Platonov, S.F.* (1993). Lekcii po russkoi istorii [Lectures on Russian history]. M. [in Russian]
- Plehanov, 1925** – *Plehanov, G.V.* (1925). Istoria russkoi obshchestvennoi mysli [The History of the Russian social thought]. Kn. 3. Sochinenia. M.; L. T. 22. [in Russian]
- Pushkin, 1976** – *Pushkin, A.S.* (1976). Aleksandr Radishchev [Alexandr Radishchev]. Sobr. soch. V 10 t. M. T. 6. Pp. 188-198. [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arhiv drevnih actov [The Russian State Archive of ancient acts].
- Rossiiskoe zakonodatelstvo..., 1987** – Rossiiskoe zakonodatelstvo X-XX vekov (1987) [Russian legislation of the X-XX centuries]. V 9 t. M. T. 5. [in Russian]
- Satiricheskie zhurnaly..., 1951** – Satiricheskie zhurnaly N.I. Novikova [N.I. Novikov's satirical magazines]. M.; L., 1951. [in Russian]
- Sherbatov, 2010** – *Shcherbatov, M.M.* (2010). Izbrannye trudy [Selected works]. M. [in Russian]
- Sumarokov, 1957** – *Sumarokov, A.P.* (1957). Izbrannye proizvedeniia [Selected works]. L. [in Russian]
- Zhizn i prilucheniia..., 2013** – Zhizn i prilucheniia Andreev Bolotova, opisannye im samym dlia svoih potomkov [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by himself for his descendants]. 2013. V 3 t. M. T. 2. [in Russian]

Просвещенный дворянин как исторический тип личности в России екатерининского времени

Людмила Владимировна Мининкова ^{a, *}, Елизавета Евгеньевна Глазунова ^a

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lyudmila_mininkova@mail.ru (Л.В. Мининкова)

Аннотация. Эпоха Просвещения в России вела к формированию просвещенного дворянина как представителя особого культурно-исторического типа. Целью статьи является комплексная характеристика этого типа личности, выявление особенностей восприятия такой личностью культуры Просвещения, ее отношения к идее свободы, которой пронизано Просвещение, своей и крестьянской, к крепостному праву и к своим крепостным, к способам ведения своего хозяйства. Статья основана на анализе нарративных и документальных источников. Формирование этого типа составляло результат европеизации культуры русского дворянства в XVIII в. Выделение такого типа основывается, прежде всего, на его самоидентификации. Для сознания этой части дворянства было характерно представление о своей значимости и критика недостатков окружающей жизни. Освободительные начала Просвещения они воспринимали в ограниченном виде, не выступая против самодержавия, отделяя его от деспотизма. Они не сомневались в необходимости крепостного права, рациональное хозяйство они строили на принудительном труде. Тип просвещенного русского дворянина екатерининского времени представляет собой сложное и противоречивое единство новой культуры Просвещения и традиционной дворянской культуры.

Ключевые слова: европеизация России, эпоха Просвещения, Екатерина II, Е.Р. Дашкова, Д.И. Фонвизин, А.Т. Болотов, помещицьи инструкции.